

БИБЛИОТЕЧКА СТУПИНА.

ЦѢНА 10 КОП.

Сказка об Илье Муромце, крестьянском сыне, и его славных подвигах
//Издание А. Д. Ступина, Москва, 1887
FB2: a53, 26.12.2014, version 1.0
UUID: OoFBTools-2014-12-26-19-41-4-1328
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Петр Полевой

Сказка об Илье Муромце

Илья Муромец — это не историческое лицо, это сам народ, творение народа, отражающее все лучшее, что было в нем самом.

Для детей младшего и среднего возраста. Издание 1887 года. Сохранена старая орфография.

Петръ Полевой
Сказка объ Ильѣ Муромцѣ,
крестьянскомъ сынѣ, и его
славныхъ подвигахъ
По древнимъ былинамъ

СКАЗКА

ОБЪ

ИЛЬЪ МУРОМЦЪ,

крестьянскомъ сынѣ, и его славныхъ подвигахъ.

ПО ДРЕВНИМЪ БЫЛИНАМЪ

ИЗЛОЖИЛЪ

П. Полевой.

Съ рисунками М. В. Нестерова.

МОСКВА. 1887.

Изданіе А. Д. Ступина.

Изложилъ П. Полевой.

Съ рисунками М. В. Нестерова.

Дозволено Цензурою. Москва, 1887 г. августа 15 дня.

Не сине море всколыхалось, не вьюга въ полѣ подымалась, не буйный вѣтеръ по степному простору разгуливалъ — подымались на святую Русь грозные вороги, налетали на ея чело хищные вороны, обледали ея со всѣхъ сторонъ, словно тучи черныя. Изъ степей нагоняли ихъ буйные вѣтры, съ морей наносили ихъ буйныя волны, изъ-за горъ выводили злые люди. И давно-бы Русь пошатнулася, кабы не было въ ней духа русскаго, не было силы храбрости на борьбу съ иновѣрными, не

родилось бы могучихъ богатырей, готовыхъ голову сложить за землю Русскую и за вѣру православную. Много тѣхъ богатырей на Руси перебыло и никогда они на Руси не переведутся, покуда будетъ стоять земля Русская, пока не пойдетъ вспять Волга-матушка. Бились тѣ богатыри и съ разбойниками, бились они и съ силой несмѣтною иноземною, бились и съ злобой людского ненавистною, и дошла ихъ слава до насъ въ пѣсняхъ, и будутъ жить долѣ нашего вѣка... Вотъ по этимъ-то старымъ пѣснямъ и расскажем мы о знаменитомъ русскомъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ.

Подъ славнымъ городомъ Муромомъ лежитъ село Карачарово; а въ томъ селѣ Карачаровѣ жилъ-былъ крестьянинъ Иванъ, по отчеству Тимофеевичъ. Долго Богъ Ивану

дѣтей не давалъ, семьей его не надѣлялъ, — но наконецъ послалъ таки ему дитя милое, дитя единое, да и то не на радость, не на помощь подѣ старость. Родился у Ивана сынъ въ самый Ильинъ день, подѣ громомъ и молніей, и назвали его родители Ильей... Стало дитяtko расти да умнѣть, да видно родилось калѣкою: — ни на ноги встать, ни ногой шевельнуть не могъ Илюшенька. Такъ и годъ прошелъ, и другой, и третій — Илья все не ходилъ, ни руками не владалъ, и сидѣлъ на печи сиднемъ, ни родителямъ не въ помощь, ни себѣ не на радость... Да такъ и дожилъ Илья до тридцати лѣтъ, съ ложечки матушкой вспоенный, изъ рукъ ее вскормленный, словно дитяtko неразумное. И во всѣ эти тридцать лѣтъ ни разу ни родители, ни самъ Илья не взроптали на Бога, на судьбу свою не пожаловались!..

И случилось однажды родителямъ уйти въ поле на работу крестьянскую, и остался Илья одинъ-одинешенекъ дома. Сидитъ онъ на печи — думу свою думаетъ, и вдругъ слышитъ, что стучится къ нему кто-то въ окошечко косящетоe. «Кто тутъ, добрый человекъ, отзови-

ся!» — окликаеть съ печи Илья Муромецъ. И слышитъ онъ, что въ отвѣтъ ему откликаются подь окномъ три голоса: «Охъ ты гой еси, Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ, отвори скорѣ намъ ворота широкія, впускай насъ, калѣкъ, къ себѣ во дворъ». — Отвѣчаетъ имъ съ печи Илья Муромецъ: «Ай-же вы, калѣки перехожіе! Не могу я съ печи встать, не могу я вамъ ворота отворить — сижу я здѣсь сиднемъ цѣлыя 30 лѣтъ: не владаю ни руками, ни ногами». И опять слышитъ онъ подь окномъ: «Вставай, Илья, на рѣзвы ноги, отвори намъ ворота, впускай насъ на широкой дворъ!»

И вдругъ почувствовалъ Илья, что онъ на ноги встать можетъ, что онъ рукой владѣеть... Всталъ съ печи, отворилъ ворота широкія, впустилъ калѣкъ во дворъ, позвалъ ихъ со двора въ избу.

Входили калѣки въ избу, клали передъ образомъ крестъ по-писанному, поклонъ вели по-ученому, вынимали изъ котомочки дорогую чару — наливали ее крѣпкимъ, старымъ, стоялымъ медомъ, подносили Ильѣ Муромцу. Выпивалъ Илья ту чару единымъ духомъ и спозналъ въ себѣ силу великую.

Посмотрѣли на него старцы и спрашиваютъ:

— «Чуешь-ли ты въ себѣ силу?»

— «Чую силу великую!» — отвѣчаетъ Илья.

— «А какъ велика твоя сила?» — переспрашиваютъ Илью старцы.

— «А такъ то велика, что если-бы былъ столпъ отъ земли и до неба, такъ я бы повернулъ всю землю».

Переглянулись между собою старцы и говорятъ: «Много ему этой силы — такъ много, что его пожалуй и земля не снесетъ. Надо въ немъ поубавить силушки.» И еще поднесли ему тутъ-же чару меду крѣпкаго.

Какъ только выпилъ ее Илья, такъ и почувствовалъ, что въ немъ силы сразу поубавилось.

— «Ну что, говорятъ ему калѣки, — какъ теперь велика твоя силушка?»

— «Теперь противъ прежняго во мнѣ силушки половинушка».

— «Ну, съ тебя и этой силы вдоволь будетъ. Суждено тебѣ быть на Руси первымъ, великимъ богатыремъ и совершить громкіе подвиги ратные. Выслушай же и нашъ тебѣ завѣтъ нерушимый. Бейся смѣло со всякимъ богатыремъ, не щади злого врага, не давай слабыхъ въ обиду сильному, сражайся за землю русскую православную, и помни, что пока соблюдешъ нашъ завѣтъ — смерти тебѣ на бою не писано!»

— «Какъ же буду я съ врагами биться, какъ стану сражаться за Русь православную, когда я не обученъ ратному дѣлу, когда нѣтъ у меня ни коня молодецкаго, ни оружія, ни доспѣха богатырскаго?»

— «Научимъ мы тебя, Илья, уму-разуму. Выходи завтра во чисто-поле, покупай перваго жеребеночка, пшеномъ его бѣлояровымъ выкармливай, изъ святаго ключа водой выпивай, а какъ выпоишь и выкормишь, три мѣсяца выводи его въ свой садъ и на утрен-

ней зарѣ въ росѣ выкатывай; а коли станетъ твой жеребеночекъ черезъ тынъ взадъ да впередъ перескакивать — поѣзжай на немъ куда вѣдаешь! На такомъ конѣ и доспѣхи ратные, и славу воинскую себѣ добудешь!» Какъ сказали это Ильѣ калѣки перехожіе, такъ и стали невидимы.

И дивится самъ на себя Илья, самому себѣ не вѣрить! Откуда взялась бодрость молодецкая и сила богатырская? — «Дай» — думаетъ, — «пойду я къ отцу съ матерью на ихъ работу на крестьянскую, помогу имъ въ ихъ трудахъ тяжкихъ».

Пришелъ Илья на дальнюю пустошь, гдѣ его отецъ съ матерью пни корчевали, пашню разчищали, и видитъ, что отецъ съ матерью изъ силъ выбились, отъ трудовъ отдохнуть спать полегли. Принялся Илья за чистку — дубе-колодѣе все повырубилъ, пенья-коренья повыворотилъ, къ рѣкѣ стащилъ, стѣной навалилъ и ямы приравнялъ — хотъ сейчасъ сѣй на полѣ пшеницу бѣлояровую.... Хотъ катаясь по ней взадъ и впередъ въ каретѣ боярской: не тряхнетъ ни капельки.

Проснулись отецъ съ матерью и глазамъ

не вѣрятъ.

— «Что за чудо подѣялось? Кто бы могъ сработать такую работушку? Тутъ было намъ дѣла еще на полгода, а теперь хоть сейчасъ сѣй на полѣ пшеницу бѣлояровую!»

Пришли домой и еще болѣе изумились. Видятъ, что Ильюша ходитъ по двору бодръ и силенъ, владѣетъ руками и ногами, правитъ за нихъ всю работу крестьянскую. Стали они сына спрашивать, какъ онъ оздоровѣлъ? И рассказалъ имъ Илья про свою встрѣчу съ калѣками, и какъ они его исцѣлили, какъ надѣлили его силою крѣпкою-богатырскою. Обрадовались отецъ съ матерью — думаютъ: «То-то будетъ нашъ сынъ работникомъ!»

А Илья и говоритъ имъ на это:

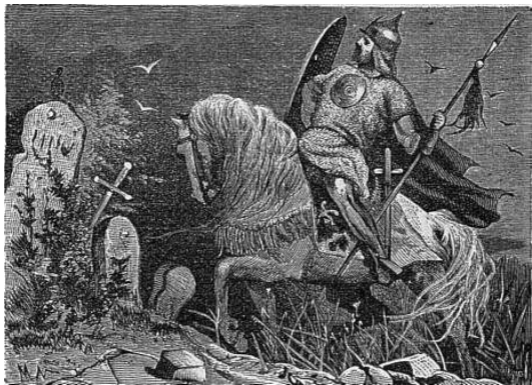
— «Нѣтъ, батюшка съ матушкой, не радуйтесь, не работничекъ я вамъ, не помощничекъ. Долженъ буду я скоро отъ васъ уйти — завѣтъ старцевъ-калъкъ исполнить, постоятъ грудью за Русь православную».

На другой день пошелъ Илья въ чисто поле и видитъ — ведетъ мужикъ на базаръ жеребеночка немудраго: на видъ неказистъ, и шерстью косматъ, и мастью не вышелъ...

Купилъ Илья того жеребеночка, не торгуясь; что спросилъ мужикъ, то и далъ за него. И началъ потомъ его выкармливать, началъ его выпаивать, началъ холить да выхаживать, а какъ минуло три мѣсяца — по три за-

ри утреннія сталь онъ его выводитъ въ свой садъ на росѣ по травѣ поваляться. И такой-то вышелъ изъ жеребеночка косматаго чудесный конь, что ему и скокъ не скокъ, и тынъ не тынъ! Такъ онъ единымъ махомъ черезъ тынъ взадъ да впередъ и скачетъ... «Ну, думаетъ Илья, на этомъ конѣ точно что можно ѣхать, куда захочешь». Вотъ онъ своему коню мочальную узду обрядилъ, попоной его покрылъ, себѣ копье смастерилъ, лукъ тугой натянулъ, стрѣлокъ пѣвучихъ въ колчанъ набилъ, и пришелъ къ отцу съ матерью просить благословенія.

Дали ему отецъ съ матерью прощеньице-благословеньице, прощаясь надъ Ильей поплакали и пустили его на подвиги ратные.

Вотъ и вздумалъ ъхать Илья Муромецъ изъ Карачарова на чудной Черниговъ-городъ, оттуда на Кіевъ-градъ дорогою прямоѣзжею. Сталъ онъ только къ Чернигову подѣзжать, и видитъ — подъ городомъ Черниговомъ стоитъ сила басурманская, которой и смѣты нѣтъ... Стоитъ, облегла городъ со всѣхъ сторонъ, хочетъ городъ изморомъ взять, въ конецъ разорить, церкви Божіи огнемъ спалить, а самого князя съ княгинею въ тяжелую неволю взять.

И вспомнилъ Илья завѣтъ старцевъ калѣкъ-перехожихъ; на бурушкѣ своемъ онъ приоправился, да какъ ударить на силу басурманскую... Копьемъ колетъ, палицей побиваетъ, конемъ топчетъ: гдѣ проѣдетъ, — тамъ улица, гдѣ повернетъ — съ переулочкомъ.

И такого-то нагналъ Илья Муромецъ страху на силу басурманскую, что всѣ они при-

шли въ смятеніе великое; а молодцы-черниговцы какъ увидала со стѣны Божью помощь, такъ тотчасъ Ильѣ на подмогу изъ города высыпали и давай рубаться съ силой басурманскою. Побѣжала отъ города вся рать — сила несмѣтная, закаялась съ той поры подступать подъ его стѣны.

Принимали молодцы-черниговцы Илью съ великою честью, вели его на княжій дворъ къ своему князю, и сажаль его князь за свой столъ на первое мѣсто, просиль его на свою службу княжескую, приказываль быть ему воеводою. Отказался Илья Муромецъ отъ ве-

ликой чести, говорить: «Гдѣ мнѣ крестьянскому сыну быть у тебя воеводою, найдутся у тебя люди на то старые, бывалые — я долженъ свой завѣтъ исполнить, постоять за землю Русскую, за вѣру православную. Такъ повели же ты мнѣ, князь, показать на Кіеву-граду дорогу прямоѣзжую, чтобъ мнѣ не плутать, не путаться.»

«Удалый добрый молодецъ, славный богатырь!» — говорит князь Ильѣ Муромцу — «видно, что ты весь свой вѣкъ сиднемъ дома сидѣлъ, надъ собой невзгодушки не вѣдалъ. Видно не знаешь ты, что ужъ тридцать лѣтъ нѣтъ отсюда пути въ Кіевъ прямоѣзжаго, и ѣздимъ мы въ Кіевъ околицей. Залегъ на той прямой дорогѣ Соловей-разбойникъ, Соловей, Одохмантьевъ сынъ, со своимъ проклятымъ

родомъ, и нѣтъ мимо его никому пути: сѣрый звѣрь — и тотъ тамъ не прорыскиваетъ; черный воронъ — и тотъ не пролетываетъ. Сидитъ онъ, Соловей, на семи дубахъ, свищетъ разбойникъ по-соловьиному, шипитъ по-змѣиному, рывкаетъ по-туриному, и нѣтъ такого молодца удалаго, нѣтъ такого коня богатырскаго, который бы тотъ его посвистъ вынести могъ: какъ услышитъ, на землю мертвъ валится».

— «Спасибо тебѣ князь, на твоёмъ словѣ, спасибо, что ты указалъ мнѣ въ Кіевъ дорогу прямоѣзжую; тою дорогою я и поѣду, — а въ животъ нашемъ и въ смерти одинъ Богъ воленъ». Угостилъ князь черниговскій Илью Муромца хлѣбомъ-солью, отблагодарилъ его дорогими подарочками, отпустилъ его на Кіевъ дорогою прямоѣзжею, и молвилъ вслѣдъ ему съ горестью: — «Жаль добраго молодца! Не сносить ему буйную голову!»

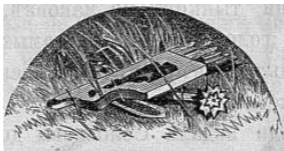
А Илья Муромецъ поѣхалъ черезъ дремучіе лѣса брянскіе, черезъ черныя грязи смоленскія и какъ сталъ подѣзжать къ славной рѣчкѣ Смородинкѣ, видитъ — точно дорога засѣчена, и нѣтъ тамъ проѣзду ни конному,

ни пѣшему. И только было хотѣль онъ черезъ ту засѣку скокомъ махнуть, какъ раздался по лѣсу соловьиный свистъ — того самого Соловья-разбойника! И отъ свисту, того соловьиного темны лѣса къ землѣ преклонились, съ деревьевъ листья посыпались... Не дался Илья страху, бьетъ коня по бедрамъ шелковой плетью, — а Соловей-разбойникъ опять зашипѣль по-змѣиному, заревѣль-загудѣль по-туриному. Подъ Ильей-Муромцемъ конь на колѣна палъ... Разгорѣлось въ Ильѣ Муромцѣ сердце молодецкое:

— «Что ты, добрый конь, спотыкаешься? Аль не слыхиваль свисту соловьиного, шипу змѣиного, рявканья звѣринаго?» — Да какъ выхватить тугой лукъ, какъ наложить на его

тетивочку калену стрѣлу, какъ пустить въ Соловья-разбойника... Попаль ему въ правый глазъ, сшибъ его съ дерева на сыру землю, наскочилъ на него и давай его крутить да вязать, къ сѣдлу какъ звѣря приторачивать. Самъ сѣлъ на коня и поѣхалъ дальше, какъ ни въ чемъ не бывало.

Їдетъ — Їдетъ онъ дубровою темною, дремучею, наѣзжаетъ въ лѣсу, на полянѣ на хоромахъ Соловья-разбойника. А и дворъ у Соловья былъ на шесть верстъ, а около двора желѣзный тынъ, а на каждой тынинкѣ по маковкѣ, а на маковкѣ по головушкѣ, тѣхъ самыхъ богатырей, что пытались проѣхать въ Кіевъ дорогою прямоѣзжею.

Завидѣли издали Соловьевы дочери, что Їдетъ кто-то къ ихъ хоромамъ. Стали говорить между собою:

— «Їдетъ къ хоромамъ нашъ батюшка, везетъ съ собою чужого богатыря — будутъ

всѣмъ намъ отъ него обнови».

— «Что вы, ослѣпли, что-ли? — говоритъ имъ Соловьева жена. — Развѣ не видите, что сюда ѣдетъ чужой богатырь, вашего батюшку въ торокахъ везетъ! Собирайтесь всѣ скорѣе, сзывайте моихъ зятевей любимыхъ, нападайте на чужого богатыря!»

Обернулись Соловьевы дочери черными воронами, а зятя его — хищными коршуньями, налетаютъ на Илью Муромца, хотѣли его расклевать, на части разнести, волкамъ въ снѣдь разбросать. Да Илья-то ихъ принялъ по-своему: каждому спѣла послѣднюю пѣсню его

стрѣлочка каленая. А потомъ поѣхалъ Илья на хоромы разбойничьи, все въ нихъ побилъ, поломалъ, конемъ притопталъ и съ землею сравнялъ. Сравнялъ — и поѣхалъ дальше къ Кіеву, дорогою прямоѣзжею.

Въ, славномъ стольномъ городѣ во Кіевѣ, у ласковаго князя Владиміра, у Владиміра Краснаго Солнышка, былъ свѣтлый радостный пиръ, для дружины храброй, для бояръ, для князей, для славныхъ кіевскихъ могучихъ богатырей.

И былъ тотъ пиръ во полу-пирѣ, и былъ тотъ столъ во полу-столѣ, когда пришли сказать князю Владиміру, что пріѣхалъ добрый

молодецъ изъ Чернигова, привезъ ему вѣсть добрую, радостную. Приказалъ князь позвать въ палату добраго молодца.

Вошелъ въ палату Илья Муромецъ, крестъ кладеть по-писанному, поклонъ ведеть по ученому, а князю съ княгинею въ особицу.

— «Откуда, добрый молодецъ, ѣдешь и куда путь держишь?» — спрашивалъ Илью Владиміръ-князь.

— «Держу я путь къ тебѣ, князю Владимиру, хочу проситься на службу твою княжескую, постоять за землю русскую, за вѣру православную; а ѣду я теперь изъ Чернигова, везу тебѣ добрую вѣсть».

— «Не прочь бы я тебя добраго молодца пожаловать, не прочь бы тебя на службу принять; только вижу я, что ты, добрый молодецъ, облыгаешься, надъ всѣми нами посмѣхаешься... Развѣ мы не всѣ вѣдаемъ, что подъ Черниговомъ стоитъ бусурманская рать — сила несмѣтная, что оттуда нѣтъ никому ни прохода, ни выхода?»

— «Это точно, что было такъ!» — отвѣчаетъ Илья Муромецъ, — «а теперь тамъ все въ добромъ здравіи».

— «Да когда-же ты былъ въ Черниговѣ?»

— «А вотъ три дня назадъ, оттуда послѣ ранней обѣдни выѣхалъ, и проѣхалъ сюда въ Кіевъ дорогою прямоѣзжею».

Какъ зашумятъ, загалдятъ за княжескимъ столомъ всѣ князья и бояре и русскіе богатыри....

— «Что ты, князь Владиміръ, этого хвастуна слушаешь! Какъ онъ смѣетъ тебѣ небылицы нести! Кому же это незнамо, не вѣдомо, что ужъ тридцать лѣтъ нѣтъ отъ Кіева къ Чернигову пути прямоѣзжаго, что залегъ на томъ пути Соловей-разбойникъ, и мимо его ни сѣрый звѣрь не прорыскиваетъ, ни черный воронъ не пролѣтываетъ?»

Отвѣчаетъ имъ посмѣхомъ Илья Муромецъ:

— «А я, братцы, — ни звѣрь, ни воронъ, — не только самъ тѣмъ путемъ проѣхалъ, да и Соловья-разбойника съ собою въ торокахъ привезъ!»

Повыскакали изъ-за стола князья и бояре, и могучіе княжескіе богатыри, побѣжали на дворъ Соловья смотрѣть; а Илья Муромецъ князя со княгинею вѣжливо проситъ туда же

пожаловать, къ коню своему вѣдетъ, — злое чудовище имъ показываетъ.

— «А ну-ка, добрый молодець, прикажи ему показать намъ, какъ онъ свищетъ по-соловьиному, какъ шипитъ по-змѣиному, какъ рявкаетъ по-туриному?»

— «Изволь, князь Владиміръ, только на меня не гнѣвайся, если вы съ боярами и съ могучими богатырями отъ того свисту испугаетесь на землю попадаете?»

И приказалъ Илья Соловьѹ-разбойнику, чтобы потѣшилъ онъ князя со княгинею, князей со боярами, съ могучими богатырями, приказалъ ему свиснуть только въ полсвиста. Не послушался его Соловей-разбойникъ, захотѣлъ на князьяхъ, да на боярахъ кіевскихъ свою злобу сорвать, да какъ свиснетъ во всю силу по-соловьиному... Съ теремовъ верхи рѣзные обсыпались, изъ рамъ стеклышки повывалились, князья съ боярами на землю пали, а князь Владиміръ подъ крыльцо залѣзъ — сидитъ ни живъ, ни мертвъ...

Увидѣлъ тутъ Илья злобу Соловьѹ-разбойника, ухватилъ его въ торокахъ, подбросилъ

его выше терема и разбилъ его въ мелкія дребезги.

Только тутъ князья со боярами и оправившись; только тутъ они Ильѣ и повѣрили; говорятъ:

— «Исполать тебѣ, добрый молодецъ, славный могучій богатырь Илья Муромецъ! Будь ты всѣмъ намъ старшій братъ, будемъ мы всѣ у тебя ходить въ послушаніи».

Подошелъ къ нему Владиміръ-князь.

— «Сослужилъ ты мнѣ, добрый молодецъ, службу немалую, очистилъ къ Чернигову дорогу прямоѣзжую; принимаю я тебя къ себѣ на службу, а за столомъ своимъ даю тебѣ первое мѣсто».

И пошелъ у князя Владиміра пиръ по-прежнему, по-веселому, и долго на немъ князь съ Ильею потѣшались, а богатыри съ нимъ братались, крестами мѣнялись.

Не долго Илья въ Кіевѣ пироваль-бразничаль, скоро онъ съ дружиною на службу княжескую поѣхалъ.

Выѣхалъ въ степи раздольныя, въ мѣста привольныя, бьется за Русь православную то съ Чудью бѣлоглазою, то съ сорочиною долго-

полою, то съ татарами мурзамецкими. Стоитъ онъ однажды на рубежной заставѣ, сторожить землю русскую — и видитъ, идетъ по дорогѣ старый калѣка перехожій, просить у Ильи Божіей милостинки. Отдалъ ему Илья, что при немъ въ мошнѣ случилось, и говоритъ ему старчище-каличище:

— «Стоишь ты тутъ, Илья, на заставѣ, а самъ у себя надъ головой невзгодушки не вѣдаешь. Наѣхалъ на Кіевъ чудовище, прозывается онъ Идолицемъ поганымъ. Становилъся прямо на княжескій дворъ, вваливался прямо въ палаты къ князю Владиміру. И ни-

кого-то на ту пору при князѣ не случилось, — ни тебя, Ильи Муромца, ни молодого Добрыни Никитича, ни Михайлы Потока Ивановича, ни Алешеньки Поповича. Вотъ и долженъ былъ Владиміръ князь Идолице у себя принять, хлѣбомъ-солью угощать — дороги подарки ему подносить, о пощадѣ его слезно просить».

Какъ услыхалъ эти рѣчи Илья Муромецъ, разгорѣлося въ немъ сердце молодецкое. Говорить онъ калѣкъ-перехожему:

— «Спасибо тебѣ, что далъ ты мнѣ вовремя вѣсточку! Давай мѣняться съ тобою платьемъ. Бери ты мои доспѣхи богатырскіе и всю богатую мою сбрую ратную! Давай мнѣ свои отрепья калѣчьи, давай посохъ и лапотки! Становись здѣсь Русь сторожить на мое мѣсто; а я съѣзжу помѣряюсь съ Идолицемъ поганымъ».

Сказано-сдѣлано. Окрутился Илья калѣкою переходимъ, пріѣзжаетъ въ Кіевъ-градъ, идетъ прямо на княжій дворъ, входитъ калѣкою въ палаты князя Владиміра и видитъ, тамъ сидитъ за столомъ Идолице, величается, надо всѣми боярами издѣвается. Го-

лова у Идолица съ пивной котель, между плечъ у него косая сажень, волосы на головѣ, что копна сѣнная. По цѣлой ковригѣ Идолице за щеку мечеть, по цѣлому чану въ день пива выпиваетъ, по цѣлому барану жареному заразъ убираетъ, ѣстъ-пьетъ и похваливаетъ: «И нѣтъ у васъ въ Кіевѣ мнѣ супротивника; всѣхъ вашихъ богатырей я за поясъ заткну, церкви Божіи сожгу, весь вашъ родъ истреблю».

— «Не хвались, на рать ѣдучи» — говоритъ Идолицу Илья Муромецъ: «въ животѣ и въ смерти Богъ воленъ».

Посмотрѣлъ на него Идолице, и говоритъ ему:

— «Ты откуда больно смѣлъ выискался? Али долженъ я на тебѣ показать, какъ дути гнутъ? Знаешь-ли ты, калѣка-захожій, что здѣсь мнѣ есть только одинъ супротивникъ — Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ да и тотъ за тридцать земель на службу княземъ посланъ, вырубать сорочину долгополую, побивать татаръ мурзameцкихъ. Только онъ одинъ и можетъ со мною помѣриться».

— «Знаю я Илью Муромца — мы съ нимъ

названные крестовые братья, ходили вмѣстѣ на враговъ земли русской, стояли вмѣстѣ за вѣру православную, не давали проходу никакой погани, не давали никому надъ собой ни чваниться, ни похвалиться. Не дамъ и тебѣ, Идолицу поганому».

— «Такъ вотъ ты каковъ, со мною тягаться задумалъ? А много ли ты, калѣка, головъ запасъ? Простился ли ты съ отцомъ съ матерью, съ родомъ и съ племенемъ? Ты скажи-ка мнѣ, можетъ ли твой Илья Муромецъ, названный братъ, столько съѣсть въ присѣсть, столько выпить, сколько моей на то силы хватаетъ?»

— «Нашелъ чѣмъ хвастаться!» — говоритъ Илья Идолицу, — «говорю тебѣ, что мы съ Ильею во всемъ равняемъ: пиво пьемъ съ одного ковша, хлѣбъ ѣдимъ съ одного куска. А обжорами мы съ Ильею не были, и быть не чаемъ. Была у насъ на селѣ корова обжорлива да издохла — волкамъ въ снѣдь досталась. Такъ вотъ и тебѣ, Идолицу, говорю, что и съ тобою тоже самое будетъ».

Какъ вскочитъ Идолице изъ-за стола княжескаго, какъ бросится къ Ильѣ Муромцу.

Опрокинулъ столы со скамьями, расплескалъ пива со медами.... всѣ и духъ притаили, думаютъ, что сотретъ онъ калѣку съ лица земли. Да Илья то догадливъ былъ: снялъ съ себя шапку пуховую, нахлобучилъ Идолицу на самыя очи, да какъ надавить на него ручкой правою — къ землѣ придавилъ, и ногой при-топталъ! Только Идолице и видѣли: — онъ тутъ и духъ испустилъ! Не успѣлъ и силой похвастаться.

Подошелъ къ Ильѣ Муромцу Владиміръ князь, подбѣжали князья со боярами, доброму молодцу въ поясъ кланяются. Говорятъ такъ-вы слова:

— «Славный могучій богатырь, Илья Муромецъ! будь ты намъ вмѣсто отца родного, садись ты у насъ первымъ въ Кіевѣ воеводою, будь ты надъ старшими старшимъ!»

Говоритъ въ отвѣтъ Илья Муромецъ:

— «Благодарствую на ласковомъ словѣ, на вѣжливомъ привѣтѣ. Есть у князя на старшее мѣсто князья и бояре, а мое мѣсто въ полѣ чистомъ, въ раздольѣ-широкомъ. Тамъ долженъ я свой завѣтъ исполнить: биться за матушку святую Русь, отстаивать отъ злыхъ враговъ

вѣру православную».

И простился со всѣми Илья Муромецъ, и поѣхалъ опять стеречи свою заставу крѣпкую, и стоялъ на той заставѣ до-вѣку.

